ДЖЕЙМС БАЛЛАРД

ПОСЛЕДНИЙ МИР МИСТЕРА ГОДДАРДА

Последний мир мистера Годдарда

Джеймс Грэм Баллард

Аннотация
Джеймс Баллард
Последний мир мистера Годдарда

Аннотация

Днем мистер Годдард был смотрителем этажа в одном из офисных зданий, совершал обходы и делал все, чтобы в офисах его этажа все шло как по маслу. Вечером же, по приходу домой, мистер Годдард тщательно осматривал все комнаты своего дома, запирал двери на все замки и открывал свой сейф.

Джеймс Баллард

Последний мир мистера Годдарда

По какой-то непонятной, неявной причине мистера Годдарда особенно раздражал именно гром. Весь день он, бывая тут и там, как того требовали обязанности супервизора первого этажа, прислушивался к далеким грохотаниям и раскатам, почти терявшимся в деловом шуме универсального этажа. Дважды он, по надуманным причинам, поднимался на лифте в кафетерий на крыше и внимательно прочесывал взглядом небо, выискивая на горизонте признаки грозовой тучи или какой-либо атмосферной турбулентности. Небо, однако, оставалось чистым, бесстрастно голубым, и лишь кое-где его пачкали легкие перышки лениво плывущих кучек-облачков.

Именно это и тревожило мистера Годдарда. Прислонившись к перилам кафетерия, он явственно слышал гром, раскалывавший воздух где-то в тысяче футов над его головой и рассыпавшийся шумными хлопками, как потоки воздуха, сталкивающиеся от трепыханья крыльев огромной птицы. Время от времени небо затихало, но

ненадолго — на несколько минут.

Мистер Годдард оказался не единственным, кто услышал гром, — несколько человек за столиками на террасе уже задирали головы, так же, как и он сам, обескураженные отсутствием видимого источника странных звуков. В обычных обстоятельствах мистер Годдард обменялся бы с ними любезностями — его седые волосы и старомодный костюм в «елочку» на протяжении двадцати лет служили символом доброжелательности и заботы, — но сегодня он прошел мимо, даже не взглянув на гостей. Внизу, на первом этаже, беспокойство ощущалось не так сильно, но и во второй половине дня, прохаживаясь между прилавками и поглаживая по головке детей, он прислушивался к едва слышному, далекому треску, необъяснимому и почему-то пугающему.

В шесть часов мистер Годдард занял место в будке табельщика, с нетерпением ожидая, когда будет проштемпелевана последняя карточка, после чего передал пост ночному сторожу и отправился домой. Уже на улице, надевая старое пальто и шляпу, он почувствовал, как вечерний воздух содрогнулся от очередного раската.

Дом мистера Годдарда находился всего лишь в полумиле от работы и представлял собой неболь-

шую двухэтажную виллу, окруженную высокой живой изгородью. С виду обветшалый, но все еще прочный, он на первый взгляд ничем не отличался от любого другого холостяцкого жилья. Тем не менее каждый, кто прошел бы по короткой дорожке к дому, отметил бы одну особенность: все окна, как внизу, так и вверху, были надежно закрыты, причем закрыты так давно, что разросшийся перед домом плющ переплелся с деревянными створками в тех местах, где древесина успела немного подгнить.

При ближайшем рассмотрении выяснилось бы, что за пыльными рамами прячутся диагональные стальные решетки.

Забрав со ступенек бутылку молока, мистер Годдард вошел в кухню, которая служила ему гостиной — с креслом и маленьким диванчиком. Занявшись приготовлением ужина, он отвлекся, когда в дверь поскребся — и был впущен — постоянный гость, соседский кот. За стол сели вместе; кот, забравшийся на выделенный ему стул, не мигая, наблюдал за хозяином дома.

Около восьми мистер Годдард приступил к давно установленной и остававшейся неизменной вечерней процедуре. Он открыл дверь, осмотрел боковой вход, после чего запер дверь и оба окна.

Потом он вышел в прихожую и в сопровождении кота приступил к осмотру дома.

Осмотр этот проводился с особой тщательностью, причем кот заменял мистеру Годдарду шестое чувство. Внимательно следя за животным, мягко переходящим из одной пустой комнаты в другую и тихонько мурлычущим себе под нос, мистер Годдард отмечал его реакции.

Больше в доме никого не было. Наверху — голые половицы, окна без штор, лампочки без абажуров. В углах и на ободранных викторианских обоях собиралась пыль. Все камины были заложены кирпичами, а дымоходы, судя по следам на каменной кладке над каминными полками, плотно забиты.

Пару раз мистер Годдард проверил решетки, благодаря которым комнаты походили на стальные клетки. Удовлетворенный результатом, он спустился по лестнице и, заглянув в переднюю, убедился, что там все на месте. Направив кота в кухню, он вознаградил его блюдечком молока, вернулся в коридор и закрыл за собой дверь.

Единственной комнатой, пока еще не удостоенной внимания, оставалась гостиная. Мистер Годдард достал из кармана ключ, открыл замок и вошел.

Как и во всех остальных, здесь не было ничего, кроме деревянного стула и большого черного сейфа, стоявшего спиной к стене. Другой отличительной особенностью была мощная электрическая лампочка, подвешенная к центру потолка с помощью хитроумного полиспаста.

Застегнув пиджак на все пуговицы, мистер Годдард подошел к сейфу. Массивный старинный ящик был примерно трех футов в ширину и глубину. Когда-то его выкрасили в темно-зеленый, бутылочный цвет, но теперь почти вся краска отшелушилась, обнажив темную сталь. В лицевую часть была встроена массивная дверца.

Рядом с сейфом стоял стул с висящим на спинке целлулоидным козырьком. Надев его, мистер Годдард стал похож на бывалого медвежатника, приступающего к нелегкой, на весь вечер, работе. Из набора висевших на цепочке ключей он выбрал маленький серебряный, вставил его в замочную скважину, повернул на триста шестьдесят градусов ручку и, потянув обеими руками, открыл дверцу.

Никаких полок внутри не было, только одна объемная камера. И всю эту полость, не считая узкого зазора между ним и толстыми, трехдюймовыми стенками, занимал черный оловянный

ящик для документов.

Взяв паузу для передышки, мистер Годдард услышал в темноте за закрытыми окнами глухой раскат грома. Непроизвольно нахмурившись, он вдруг уловил легкое похлопывание в глубине сейфа. Мистер Годдард наклонился вперед и увидел над ящиком огромную белую бабочку. Насекомое билось о крышку, и каждый удар отскакивал глухим эхом от жестяных стенок.

Мистер Годдард улыбнулся про себя, словно решил вдруг задачу, над которой бился весь день. Наклонившись вперед, он наблюдал за бабочкой, отчаянно разбивавшей в клочья свои израненные крылья. Просунув ладони в сейф, мистер Годдард осторожно взялся за ручки на крышке ящика и приподнял его.

Ящик был тяжелый, и мистеру Годдарду пришлось приложить немалые усилия, чтобы вынести его из сейфа, не задев стенки последнего, однако благодаря долгой практике он сделал это одним быстрым движением. Потом бережно поставил жестянку на пол, подвинул стул и опустил лампочку так, что она оказалась в нескольких дюймах над головой. Отжав защелку, он поднял крышку.

В ящике, сверкая отраженным блеском, стояло

нечто, похожее на тщательно спроектированный и искусно выполненный кукольный домик. На самом деле это был целый комплекс миниатюрных зданий; идеально продуманные и собранные модели с крышами, карнизами, стенами, кирпичной кладкой настолько точно воспроизводили оригинал, что, если бы не проступающая в тени фигура мистера Годдарда, их можно было бы принять за настоящие дома и строения. Миниатюрные рамы и решетки в дверях и окнах едва превышали размерами мыльные хлопья. Камни мостовой, уличная мебель, профилированные дорожки — все соответствовало выбранному масштабу.

Самое высокое, шестиэтажное, здание в ящике достигало примерно четырнадцати дюймов. Стоящее на углу перекрестка, в центре ящика, оно, по всей видимости, являлось копией универсального магазина, в котором работал мистер Годдард. Интерьер его был выполнен с таким же вниманием к деталям меблировки и декора, как и внешний фасад; через окна можно было увидеть все этажи магазина с представленными на них товарами: коврами на первом, бельем и женской модой на втором, мебелью на третьем. В кафетерии на крыше стояли металлические

стулья и столы с тарелками, приборами и вазами с крошечными цветами.

Слева и справа от магазина находились банк и супермаркет, напротив, по диагонали, — здание городского муниципалитета. Они также в точности повторяли оригиналы: в выдвижных ящиках за стойками в банке лежали пачки миниатюрных банкнот, крошечные монеты сияли, словно горки серебряной пыли. Интерьер супермаркета поражал тысячью виртуозно воссозданных мелочей. На полках высились пирамиды банок, коробок и разноцветных пакетов, настолько крошечных, что отличить один от другого невооруженным глазом было невозможно.

За главными на перекрестке зданиями находились магазины поменьше и заведения, обычные для боковых улочек, — швейные мастерские, пабы, обувные ателье и табачные лавки. При взгляде сверху возникало ощущение, что здесь воссоздан весь растянувшийся вдаль город. Стены ящика были окрашены столь умело, с таким вниманием к перспективе, что глаз не мог найти ту грань, где заканчивались модели. Весь этот микрокосмический мир являл собой совершенство, создавал иллюзию реальности столь абсолютную, что казалось, будто это и есть

настоящий город, во всех его действительных измерениях.

Внезапно в теплом свете раннего утра мелькнула тень. Дверь одного из обувных магазинчиков приоткрылась, на тротуар выступила некая фигура и, окинув взглядом пустую пока еще улицу, отступила в сумрак за порогом. То был мужчина средних лет в сером костюме и белой рубашке, предположительно управляющий. Почти сразу же чуть дальше по улице открылась вторая дверь, и вышедшая из парикмахерской женщина начала открывать ставни. Одета она была в черную юбку и розовый рабочий халат. Возвращаясь в салон, женщина приветливо помахала кому-то, идущему в направлении здания муниципалитета.

Все больше людей выходило на улицу; горожане шли по тротуарам, переговариваясь друг с другом. Начинался новый рабочий день. Вскоре улицы уже заполнились пешеходами; ожили офисы над магазинами, между столами и картотечными шкафами замелькали машинистки. Одни таблички снимали, другие вешали, меняли цифры на календарях. В универсам и супермаркет пожаловали первые посетители — уже пробирались между обновленными прилавками.

В муниципалитете клерки сели за бухгалтерские книги; в кабинетах с дубовыми панелями старшие чины пили первую чашку чая. Город проснулся и ожил — как хорошо организованный улей.

* * *

Высоко над городом, пряча в тени гигантское лицо, за своей лилипутской сценой незаметно, как рассудительный, постаревший Гулливер, наблюдал мистер Годдард. Он сидел, слегка подавшись вперед, прикрыв глаза зеленым козырьком, сложив на коленях руки. Время от времени мистер Годдард наклонялся на несколько дюймов, чтобы получше рассмотреть ту или иную фигурку внизу, или поворачивал голову, чтобы заглянуть в магазин или офис. Лицо его не выдавало никаких эмоций, казалось, он довольствовался ролью простого зрителя. Всего в двух футах от него сотни крошечных человечков жили собственной жизнью, и приглушенный уличный шум незаметно проникал в комнату.

Самая высокая из фигурок едва достигала полутора дюймов, однако же прекрасно выполненные лица отражали и характер, и эмоции. Большинство горожан мистер Годдард знал наглядно,

многих — по имени. Вот миссис Хэмилтон купила нижнее белье и спешит по переулку к служебному входу, опаздывая на работу. За окном кабинета управляющего директора мистер Селлингс, как обычно, произносит напутственную речь перед троицей начальников отделов. На улице десятки людей, давних и хорошо знакомых клиентов мистера Годдарда, покупают продукты, отправляют письма, обмениваются слухами.

По ходу развития сцены мистер Годдард постепенно подвигался все ближе к ящику — его интерес привлекли две или три разворачивающиеся сцены. Преимущество наблюдательного пункта заключалось в том, что благодаря некоей странной особенности то ли архитектурной композиции, то ли перспективы он мог рассмотреть едва ли не каждую из миниатюрных фигурок с множества точек и под разными углами. Высокие окна банка позволяли видеть каждого из сидящих за своими столами служащих; форточка в глубине открывала вид на хранилище, ряды депозитных ячеек на полках за решеткой и одного из младших кассиров, развлекающегося чтением бирок. Для наблюдения за широкими этажами универмага было достаточно всего лишь наклонить голову. То же относилось и к магазинам

поменьше, состоявшим обычно не более чем из двух помещений, — ему вполне хватало задних окон и форточек. От внимания мистера Годдарда не ускользало ничто. В задних дворах он видел составленные рядами велосипеды, швабры уборщиц в ведрах у подвальных дверей, наполовину полные мусорные баки.

Первая из привлекших внимание мистера Годдарда сцен имела отношение к заведующему складом универмага, мистеру Дюрранту. Мельком просматривая банк, мистер Годдард обнаружил его в кабинете управляющего: подавшись к столу последнего, заведующий складом активно объяснял ему что-то. Обычно Дюррант был среди тех, перед кем горячо распинался мистер Селлингс, так что в банк он мог отправиться только по неотложному делу. Между тем управляющий как будто пытался всячески от него избавиться: отворачивался, перекладывал бумаги на столе. В какой-то момент Дюррант, галстук которого успел сбиться набок, вдруг вышел из себя и сердито повысил голос. Управляющий встретил этот порыв молча и с невеселой улыбкой покачал головой. В конце концов заведующий складом повернулся и направился к двери, но, прежде чем удалиться, бросил на хозяина кабинета укориз-

ненный взгляд.

Выйдя из банка, он, словно позабыв о своих обязанностях в универмаге, решительно зашагал по Хай-стрит. Возле парикмахерской Дюррант остановился, вошел и завернул в кабинку, в которой брили крупного мужчину в клетчатом костюме и зеленой фетровой шляпе на голове. Мистер Годдард наблюдал за ними через застекленный люк в крыше. Человек в кресле, местный букмекер, слушал Дюрранта молча, откинувшись на спинку, а когда заведующий складом закончил говорить, небрежным жестом предложил ему сесть.

Сложив два и два, мистер Годдард с интересом ждал продолжения разговора. Увиденное подкрепляло подозрения, навеянные в последнее время рассеянным поведением заведующего складом.

Однако как только букмекер снял полотенце и поднялся, внимание наблюдателя привлекло нечто более важное.

Непосредственно за универмагом находился небольшой тупик, отделенный от идущего со стороны улицы переулка высокими деревянными воротами. Он был завален упаковочными ящиками и разнообразным мусором, а его дальняя

сторона упиралась в заднюю стену ящика, отвесную скалу, поднимающуюся в далекую высь. Застекленные окна грузового лифта выходили во двор и были дополнены на пятом этаже небольшим балкончиком.

Именно этот балкон и привлек внимание мистера Годдарда. Двое мужчин возились там с неким деревянным устройством, в котором можно было распознать раздвижную лестницу. Общими усилиями они подняли ее и с помощью веревок вытянули вдоль стены до точки, находившейся примерно в пятнадцати футах над их головами. Удовольствовавшись достигнутым, мужчины закрепили нижний конец, привязав его к перилам балкона, после чего один из них, раскинув руки и держась за стену, поднялся на самый верх.

Пытаются сбежать из ящика!

Мистер Годдард подался вперед, с изумлением наблюдая за происходящим. От верхней ступеньки лестницы до края ящика оставалось еще семь-восемь дюймов — то есть тридцать-сорок футов для мужчин на балконе, — но их предприимчивость впечатляла. Мистер Годдард замер, наблюдая, как они растягивают канаты.

Где-то далеко пробило полночь. Мистер Годдард

посмотрел на часы, затем, не заглядывая больше в ящик, подтянул лампочку к потолку и опустил крышку. Потом поднялся, взял ящик, осторожно убрал его в сейф, закрыл дверцу и, выключив свет, неслышно вышел из комнаты.

На следующий день, в магазине, мистер Годдард совершил свой обычный обход, раздавая неизменные порции дружелюбия и ободрения как продавцам, так и покупателям, в полной мере используя банальные мелочи, ставшие известными ему в результате наблюдений за прошлый вечер. При этом он выискивал взглядом мистера Дюрранта; вмешиваться не хотелось, но его не оставляло чувство, что если жизненные обстоятельства заведующего складом не изменятся решительным образом, его контакты с букмекером приведут в скором времени к трагедии.

За все утро никто на складе Дюрранта не видел, но в начале первого мистер Годдард заметил его у главного входа. Заведующий складом остановился, растерянно огляделся и в глубокой задумчивости побрел между выставочными образцами.

Мистер Годдард вышел и как бы ненароком оказался рядом с ним.

— Чудесный денек, не правда ли? Все уже начи-

нают подумывать об отпуске.

Дюррант рассеянно кивнул, продолжая рассматривать альпинистское снаряжение, выставленное в витрине отдела спортивных товаров.

— Правда? Хорошо.

— Вы ведь куда-то собираетесь? Наверно, как обычно, на юг Франции?

— Что? Нет, не думаю, что мы в этом году куда-то поедем. — Дюррант двинулся дальше, но мистер Годдард не отставал.

— Жаль. По-моему, вы вполне заслужили хороший отпуск за границей. Надеюсь, никаких неприятностей? — Он испытующе посмотрел на заведующего складом. — Если я могу чем-то помочь, вы обязательно скажите. Буду только рад ссудить небольшую сумму. Старику, как я, деньги особенно ни к чему.

Дюррант остановился и задумчиво уставился на него.

— Спасибо, Годдард, — сказал он наконец. — Вы очень добры.

Тот пожал плечами и смущенно улыбнулся.

— Не стесняйтесь. Я, знаете ли, своих всегда поддерживаю. Вы уж извините, но как насчет пятидесяти? Вас устроит?

Дюррант слегка прищурился.

— Очень даже устроит. — Он помолчал, потом негромко спросил: — Это ваше личное решение или Селлингс подсказал?

— Подсказал что?

Дюррант шагнул ближе, сократив разделявшее их расстояние, и в голосе его зазвучали резкие нотки:

— Вы, должно быть, следите за мной уже несколько дней. Вы все обо всех знаете, так, Годдард? И мне чертовски хочется доложить о вас куда следует.

Мистер Годдард отступил. Как же спасти ситуацию? Он вдруг заметил, что они совершенно одни. Люди, останавливавшиеся обычно возле витрин, толпились у входа в переулок за магазином; издалека долетали крики.

— Что там, черт возьми, происходит? — рявкнул Дюррант и, присоединившись к толпе, попытался заглянуть в переулок.

Мистер Годдард поспешно вернулся в магазин. Продавщицы поглядывали в окна и взволнованно перешептывались, а некоторые даже вышли из-за прилавков и собрались у служебного входа в конце зала.

Пробившись через толпу, мистер Годдард услышал, как кто-то звонит в полицию. Женщина

из отдела кадров прошла к грузовому лифту с парой одеял.

Сдерживавший толпу швейцар пропустил мистера Годдарда. Во дворе собралась группа из пятнадцати-двадцати зевак; все смотрели вверх, на балкон пятого этажа и на накренившуюся под углом 45 градусов самодельную лестницу. Верхняя ее секция, длиной около двенадцати футов, подломилась в месте крепления и теперь свисала вертикально вниз, покачиваясь из стороны в сторону над головами любопытных зрителей.

Усилием воли мистер Годдард взял себя в руки. Кто-то уже накрыл одеялами два тела. Мужчина — предположительно врач, — стоявший рядом с ними на коленях, печально качал головой.

— Я одного не пойму, — вполголоса сказал один из заместителей управляющего, обращаясь к швейцару, — куда они пытались забраться. Лестница просто уходит в никуда.

Швейцар согласно кивнул.

— Мистер Мастерман и мистер Стретфилд. Такие серьезные люди. И зачем только им понадобилось ставить эту лестницу?

Мистер Годдард проследил взглядом направление лестницы. Высота задней стены двора не превышала семи-восьми футов, за ней была

оцинкованная крыша велосипедного навеса и открытая автомобильная стоянка. Лестница действительно нацеливалась в пустоту, но двух мужчин влекла слепая, неодолимая сила.

Вечерний обход дома прошел быстрее обычного — мистер Годдард лишь мельком заглядывал в пустые комнаты и закрывал двери сразу, едва кот успевал принюхаться. Потом он запер его в кухне и поспешил открыть сейф.

Поставив ящик на пол, мистер Годдард поднял крышку.

Как только город ожил, он тщательно осмотрел его, прошел взглядом по миниатюрным улицам, заглянул поочередно во все окна, четко фиксируя личность и роль по возможности большего числа обитателей. Словно тысяча челноков ткацкого станка, выбивающих бесконечно сложный узор, они сновали между магазинами и офисами, входили и выходили через сотни дверей, и каждый касался при этом десятков других — на тротуарах и в аркадах, — добавляя стежок за стежком в гобелен событий и мотивов, сплетая и спутывая жизни. Прослеживая каждую нить, мистер Годдард пытался обнаружить любое изменение в направлении движения и нежелательное взаимодействие.

Он понял, что модель меняется. Пока еще неопределенно, но некоторые отклонения уже проявились. Едва заметные сдвиги в отношениях между людьми в ящике: конкурирующие торговцы, похоже, сближались, не знакомые друг с другом горожане начинали разговаривать, возбуждалась какая-то ненужная и бесцельная активность.

Мистер Годдард искал фокус, событие, которое раскрыло бы источники новой модели. Он осмотрел балкон за лифтовой шахтой на предмет обнаружения дальнейших попыток к бегству. Лестницу убрали, но заменить ее никто не попытался. Другие потенциальные маршруты побега — крыша кинотеатра, часовая башня муниципалитета — ничего нового в этом отношении не дали.

Лишь один, стоявший особняком инцидент сбивал его с толку. Этот уникальный спектакль, проходивший в тихом уголке бильярдного салона, начался с того, что мистер Дюррант представил букмекеру управляющего банком. Когда мистер Годдард в два часа ночи закрывал ящик, троица все еще что-то обсуждала.

Наблюдая за толпами покупателей на протяжении нескольких последующих дней, мистер

Годдард рассчитывал обнаружить некоторые из уже проявившихся в ящике тенденций. Его приближающееся шестидесятипятилетие служило удобным предлогом заводить разговоры со старшим начальством. Однако ожидаемого дружеского отклика не последовало: все отделывались короткими репликами, граничившими порой с откровенной грубостью. Мистер Годдард списал такое отношение на общую атмосферу в магазине, изменившуюся в худшую сторону после гибели тех двоих. На дознании случился неловкий эпизод, когда одна из продавщиц впала в истерику, а коронер загадочно отметил имеющее место сознательное сокрытие информации. По залу прокатился согласный шум, но что именно имел в виду представитель закона, никто, похоже, так и не понял.

Другим симптомом этого беспокойства стал шквал поданных заявлений на увольнение. Уходить вознамерилась едва ли не треть штатных работников, причем указанные ими причины были всего лишь предлогами. Когда мистер Годдард попытался добраться до истины, выяснилось, что лишь немногие отдают ясный отчет в своих действиях. Мотивы большинства оставались загадкой для них самих.

Вторжение иррациональных сил стало очевидным, когда однажды вечером, выходя из магазина, мистер Годдард увидел высоко над городом управляющего банком — тот стоял на часовой башне муниципалитета и смотрел в небо.

В течение следующей недели в ящике не произошло ничего такого, что прояснило бы ситуацию. В отношениях между горожанами продолжались изменения и перегруппировки. Управляющий банком все чаще оказывался в компании с букмекером, а еще мистер Годдард понял, что ошибался в отношении Дюрранта — никакие долги на заведующего складом не давили, а роль его, похоже, заключалась в том, чтобы быть посредником между букмекером и заведующим банком, который в конце концов согласился участвовать в их махинациях.

Мистер Годдард не сомневался: налицо какой-то заговор. Поначалу он предполагал, что речь идет о планируемой попытке массового прорыва из ящика, но подтверждений этому не нашлось. Скорее, в головах обитателей ящика зарождалось непонятное и не до конца распознанное как таковое побуждение, находившее отражение в эксцентричном, непредсказуемом поведении их двойников во внешнем мире. Не сознавая

собственных мотивов и лишь наполовину осознавая самих себя, служащие магазина все более и более напоминали детали огромного пазла, разрозненные отражения в кусочках разбитого зеркала. После некоторых раздумий он выбрал для себя политику невмешательства, полагая, что источники заговора непременно проявятся в течение ближайших недель.

Увы, события устремились к эффектной развязке быстрее, чем представлялось мистеру Годдарду.

В день своего шестидесятипятилетия он отправился на работу на полчаса позже обычного и по прибытии был вызван к мистеру Селлингсу.

Директор начал с поздравлений, затем перешел к перечислению его заслуг перед магазином, а завершил выступление пожеланием долгих лет спокойного отдыха.

Мистер Годдард не сразу понял, о чем идет речь. Никто и никогда не заговаривал с ним об отставке, а сам он всегда считал, что останется на своем месте, как и многие коллеги, по крайней мере до семидесяти.

Собравшись с духом, он выразил Селлингсу мнение на сей счет.

— Вообще-то, мистер Селлингс, я не ждал такого

предложения. Думаю, здесь какая-то ошибка.

Управляющий поднялся и, коротко улыбнувшись, покачал головой:

— Никакой ошибки, мистер Годдард. Не далее как вчера совет директоров специально рассмотрел ваше дело, и мы сошлись на том, что вы после стольких лет заслужили право на отдых.

Мистер Годдард нахмурился:

— Но, сэр, я не хочу уходить! У меня нет никаких планов на пенсию…

— Что ж, пришло время ими заняться. — Протянув на прощание руку, Селлингс направился к двери. — Хорошая пенсия, собственный домик — да хоть весь мир к вашим услугам.

Мистер Годдард остался сидеть. Решение пришло быстро.

— Боюсь, мистер Селлингс, принять решение совета я не могу. Уверен, что в интересах бизнеса я должен остаться в своей нынешней должности.

Селлингс больше не улыбался — на его лице проступило выражение нетерпения и раздражения.

— Спросите заведующих отделами и продавцов, не говоря уже о покупателях, — они все потребуют, чтобы я остался, — продолжал мистер Годдард. — Само предположение о моей отставке

станет для них шоком.

— Вы так думаете? — резко оборвал его Селлингс. — А вот по моим сведениям, дело обстоит ровным счетом наоборот. Поверьте, выход на пенсию пришелся для вас как нельзя кстати. В последнее время я получил множество жалоб, и, если бы не этот повод, мне пришлось бы принимать соответствующие меры. Быстрые и радикальные.

В последний раз выходя из бухгалтерии, мистер Годдард оцепенело повторил про себя эти слова и понял, что не может в них поверить. Однако Селлингс был человеком ответственным и никогда не принимал единоличных решений по такого рода вопросам. А значит, он допустил огромную ошибку.

Или нет?

Совершая последний, прощальный обход и втайне еще надеясь, что известие о внезапной отставке вызовет сплочение его сторонников, мистер Годдард обнаружил, что Селлингс был прав. Проходя с этажа на этаж, из отдела в отдел, от прилавка к прилавку, он везде видел на лицах одно и то же выражение молчаливого согласия и одобрения… Люди радовались, что он уходит. Никто не выказал ни малейшего сожаления;

многие ускользнули еще до того, как он смог попрощаться с ними, а остальные только коротко хмыкали. Кое-кто из коллег постарше, люди, знавшие мистера Годдарда по двадцать и даже тридцать лет, выглядели слегка смущенными, но слов сочувствия не последовало и от них.

В конце концов, когда в мебельном отделе от него просто отвернулись, демонстрируя нежелание разговаривать, мистер Годдард решил, что с него хватит. Потрясенный и униженный, он собрал свои вещи и ушел.

Путь домой занял, казалось, целый день. Повесив голову, он брел по тихим боковым улочкам, не замечая прохожих, стараясь справиться с ударом по всем его представлениям о самом себе. Его интерес к другим людям всегда был искренним и непритворным, это он знал точно.

Сколько раз он протягивал руку помощи, вникал в проблемы, чтобы решить их наилучшим образом. И что в результате? Ему ответили презрением, завистью и недоверием.

На ступеньках крыльца терпеливо ждал кот. Удивленный столь ранним возвращением покровителя, он подбежал к калитке и стал тереться о ноги. Но мистеру Годдарду было не до кота. Путаясь в ключах, он открыл дверь и механиче-

ски, по привычке, запер ее за собой. Снял пальто, приготовил чаю, налил молока в блюдце — для кота. Наблюдая, как тот пьет, он безуспешно пытался понять, чем вызвал враждебность у столь многих людей.

Внезапно мистер Годдард отодвинул чашку и направился к двери. Не потрудившись подняться наверх, он сразу прошел в гостиную, включил свет и уставился на сейф. Объяснение случившемуся сегодня определенно крылось где-то там. И он отыщет его, если только не подведут глаза.

Отперев замок, он повернул ручку и, слишком резко потянув тяжелую дверцу, не сразу смог справиться с ней. Потом, подстегиваемый нетерпением и не обращая внимания на боль в плече, наклонился и схватил ящик.

Уже вынимая ящик из сейфа, мистер Годдард понял, что вес ему не по силам, и, подставив под ящик колено, положил руки на крышку и прислонился плечом к сейфу.

Поза была неудобная, и сил хватило ненадолго. Он попытался задвинуть ящик в сейф, но тут вдруг закружилась голова. Перед глазами завертелась маленькая спираль и, постепенно расширяясь, превратилась в глубокий черный водоворот, заполнивший всю голову.

Прежде чем он успел что-то сделать, ящик вырвался из рук и с сильным металлическим грохотом упал на пол.

Опустившись на колени рядом с сейфом, мистер Годдард устало привалился к его стенке.

Ящик лежал на боку, на границе круга света. От удара крышка сама собой открылась, и теперь внутренности ящика освещал лишь один-единственный узкий луч.

Несколько минут в комнате слышалось только неровное, затрудненное дыхание. Потом в промежутке между крышкой и полом обозначилось какое-то едва уловимое движение. Маленькая фигурка осторожно выступила из тени, огляделась и исчезла в той же тени. Секунд через десять появились еще три, за ними последовали другие. Маленькими группами они растекались по полу, создавая иллюзию ряби. За первыми хлынул целый поток прочих, все толпились и подталкивали один другого, торопясь как можно скорее выбраться из ящика. Вскоре круг света ожил; крошечные фигурки мелькали в нем, как рыбешки в освещенном пруду.

В темноте, ближе к углу, резко скрипнула дверь. Сотни фигурок как по команде замерли. Кот осторожно просунул голову и остановился, оглядывая

сцену недоверчивыми глазами.

А потом, издав злобное шипение, прыгнул вперед.

Лишь через несколько часов мистер Годдард медленно поднялся на ноги и, бессильно прислонившись к сейфу, посмотрел на лежащий на боку ящик. Потом, собравшись, потер скулы и, болезненно скривившись, помассировал грудь и плечи. И только после этого прошел, едва волоча ноги, к ящику, поставил его как надо и, подняв крышку, осторожно заглянул внутрь.

И тут же, выронив крышку, обвел взглядом пол и даже направил свет в самые темные уголки. Осмотревшись, он повернулся и поспешил в коридор, включил свет там и внимательно, заглядывая за плинтусы и под решетки, обследовал пол.

Оглянувшись через плечо, мистер Годдард заметил, что дверь в кухню открыта. Подойдя к ней на цыпочках, он пробежал взглядом между ножками стола и стула, от угольного ведра к щетке.

— Синбад! — крикнул мистер Годдард.

Застигнутый врасплох, кот выронил из лап что-то крохотное и метнулся под диван.

Мистер Годдард наклонился и несколько секунд пристально рассматривал предмет, потом

прислонился к шкафу и невольно закрыл глаза.

Кот вцепился когтями в добычу. Блеснули зубы… Он громко сглотнул…

— Синбад, — уже тише произнес мистер Годдард. Какое-то время он равнодушно наблюдал за котом, потом шагнул к двери.

— Идем!

Медленно виляя хвостом, кот последовал за ним. Они прошли по дорожке к калитке. Мистер Годдард посмотрел на часы. Они показывали 14:45. В соседних домах было тихо, далекое, безмятежное небо отливало голубизной. Тут и там солнечный свет отражался от эркерных окон, но улица оставалась неподвижной, а ее покой — полным и нерушимым.

Мистер Годдард выпустил кота на тротуар и закрыл за собой калитку.

Они вместе вышли в опустевший мир.

1960

The Last World of Mr Goddard. Первая публикация в журнале *Science Fantasy*, октябрь 1960.

Перевод С. Самуйлова